

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Татьяна СТАВИЦКАЯ

МОСКОВСКАЯ ПЛОТЬ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С11

Серия основана в 2004 году
Выпуск 394

Художник
М. Поповский

Ставицкая Т. К.

С11 Московская плоть: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 312 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1082-8

Остроумная, остросюжетная вампирская сага дает нетривиальный ответ на вопрос, кто виноват в современном положении дел в Москве. Главный персонаж романа — Город.

Читателю предстоит встреча с историческими персонажами в контексте современной Москвы, с которой происходят необратимые изменения. Некий артефакт, извлеченный из тайника, объяснил то, что рядовому москвичу давно казалось нелогичным и нескладным, и приоткрыл смысл, мотив, повод, причину и скрытую пружину сегодняшнего развития событий и положения дел. Но разоблачение тайн иногда чревато разрушением привычного мира.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1082-8

© Ставицкая Т. К., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Упомянутые в книге лица и учреждения — вымышлены, совпадения — случайны, все остальное — чистая правда.

Природа — это неустанное спряжение глаголов «есть» и «быть поедаемым».

Уильям Ралф Индж

Вместо пролога

ПАЗЛ, СЛОЖЕННЫЙ СЛУЧАЙНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

— Видите ли, коллега, — делился мыслью в культовой курилке известной московской библиотеки некто, весьма похожий на князя Кропоткина, глядя на тлеющую в лучах заката зубчатую московскую архитектуру за окном, — некоторые наивно полагают, что прошлое есть корни, питающие настоящее.

— Да-да, друг мой, — откликнулся слушающий его вполуха собеседник — сутулый бородатый господин, любивший эти стены, в которых некогда, в докомпьютерные времена, роилась шумная студенческая братия, — я отчетливо вижу это древо: с корнями, с мощным стволом, несущим живительные соки к робким трепещущим листьям, скрывающим до поры завязь грядущих плодов.

— Эк нагородили! Турусы на колесах... — поморщился первый и затынулся в два вдоха. — Ничто так не уходит от сути предмета, как его художественный образ, который есть дуrolепица, и больше ничего.

— Да вы же первый и начали, господин хороший... — обиделся его собеседник.

— Каюсь: грешу излишней метафоричностью в речах. Следует избавляться от дурной привычки к образному мышлению. — Князь произвел неопределенный жест рукою. — А самое удивительное, милостивый государь, со-

стоит в том, что прошлое не перестает меняться в человеческом сознании, и в таком измененном виде вторгается в настоящее, отчего возникает некая вторичная связь истории с современностью.

— Нечто в этом роде я уже встречал когда-то у китайцев, — мстительно заметил сутулый господин, похожий на великого химика.

— Но по здравом размышлении, — продолжал первый, оставив без ответа реплику собеседника, — и опираясь на факты, которые нам с вами, сударь, *доподлинно* известны, можно сказать, что все обстоит с точностью наоборот: это прошлое питается настоящим.

— Хм... А ведь верно! Как мне это самому не пришло в голову? Именно, что прошлое питается настоящим! — воскликнул собеседник, удивленный прозрением князя и обрадованный редкой, несвойственной тому в последнее время, ясностью формулировки.

Зимняя тьма сгустилась за окном курилки, и из смрадной городской черноты, дырявя толщу смога, устремились в ночную высь подсвеченные светодиодными лентами и дюралайтом зубья, зубцы и шпили московских крыш. И только Небесам, глядевшим в эту раззявленную пасть, было зримо явлено, как Щербатая Прорва перемалывала все, что в ней роилось, отрывивая ядовитый выхлоп в ледяной космос; как по венам и артериям ее разбухшего тулова в одну сторону текло расплавленное золото, а в противоположную — кровь, и не могли Небеса обмануться, приняв златокровеносную систему зубастого города за потоки света передних автомобильных фар и кровавую юшку задних фонарей в транспортных руслах столицы.

— Почитывая исторические мемуары, авторы коих желали выгородить себя перед потомками, или роясь в архивных документах, подправленных ретивыми секретарями и спецслужбами, мороча друг друга легендами, сло-

женными слепыми боянами да глухими звонарихами, человечество тем самым извлекает прошлое из небытия в уже искаженном виде и, поселяя его в своей голове, питает свою кровью, циркулирующей через мозг, — развивал мысль князь. — Согласитесь, совершенно поразительно, что причина сущего буквально лезет в глаза, беззастенчиво дразнит кажущейся несуразицей, раздражает неформатом. А ведь если отнестись к этой причине со вниманием, которого она заслуживает, то и картина мира в одном, отдельно взятом, незаурядном городе станет выглядеть более цельной и правдоподобной. Но Москвича, живущего наскоро, волнует только прогноз погоды. Остальные события протекают в его сознании мутным потоком в строго очерченном Москвичом русле. У Москвича в голове, знаете ли, имеется такой специальный желобок... — Князь затынулся.

— Помилуйте, голубчик, к чему этот натурализм?

По опыту длительного общения, собеседник князя знал: главное — вовремя сбить его с мысли. И тогда появится шанс завершить беседу корректно, без потери лица и поножовщины.

— Это я к тому, что Москвичу недосуг разбираться в причинах тех или иных происходящих в Москве событий. Москвич уверен, что на то есть специальные службы со специально обученными людьми. Логика событийного ряда ускользает от Москвича, если ему эту логику не развернули на трех телеканалах, не прислали эсэмэской, не выставили на билборде или стартовой странице интернет-браузера. А между тем, — говорящий понизил голос и нехорошо улыбнулся, — если кто-то не видит логики в определенной последовательности событий, то это отнюдь не означает, что ее там нет вовсе. А означает только, что Москвич по какой-то неведомой причине ее не разглядел. А если бы и разглядел ненароком, то просто счел

бы эту самую логику и напрашивающийся вывод абсурдными. И выкинул из головы.

— Всенепременно счел бы и выкинул, — кивнул собеседник, старательно избегая прений.

— Случайный же человек, заглянувший в Москву по житейской или служебной надобности, ужаснется картинке, выстроенной его сознанием или подсознанием к концу дня. И что-то такое, вдруг привидевшееся, будет беспокоить его перед сном, а потом еще томить в поезде, уносящем прочь от этого города. И к концу путешествия пазл сложится, и Случайный человек, ошеломленный простотой разгадки, не рискнет поделиться ею с другими случайными людьми. Во избежание... — закончил он почти шепотом, забычковал окурок и кивнул собеседнику, как бы благодаря за внимание.

Иногда Дмитрию Ивановичу хотелось спросить, что курит князь, но он находил такой вопрос вторжением в *privacy* и не позволял себе.

— Очень интересно, Петр Алексеевич. Вы бы записали для истории, а то ведь выйдете на воздух — опять позабудете.

— Да полноте, Дмитрий Иванович, кто ж рукописное читать теперь станет? — махнул рукой идеолог анархизма.

— Так и не надо рукописное! Кто говорит про рукописное? Сайт себе заведите или блогек. А я к вам трафик перенаправлять буду со своего. А то, поди, все на политических форумах подъедаетесь?

— Чем же там подъедаться, милостивый государь? Там все бесплотно, бестелесно. Одно благорастворение воздушных без изобилия плодов.

Князь помолчал, глядя на свои черные берцы, затянул потуже ремешок кожаного летного шлема, затем, отворив окно, забрался на широкий подоконник и с возгласом «Первый пошел!» неловко выпал в морозный декабрьский вечер. Невозможность обретения читательского би-

лета — по причине отсутствия московской регистрации и абсурдности предъявления в группу приема и записи читателей Российской государственной библиотеки своего диплома Пажеского корпуса, хоть и с отличием, — не оставляла ему выбора. Так бывает: властитель дум миллионов не имеет ни малейшего шанса оформить себе читательский билет в библиотеку, на пыльных полках которой покоятся тома его произведений — плоды бессмертных дум.

Появившись на свет в одном из особняков тихих Пречистенских переулков, где жизнь, казалось, течет вне русла времени, князь, войдя в ум и созрев душою, озаботился возвращением фальшивой Пречистенки в честное лono Чертолья и весьма в этом преуспел: с одна тысяча девятьсот двадцать первого года на протяжении семидесяти двух лет — в самые тоталитарные времена, что само по себе удивительно, — улица носила имя идеолога анархизма, вновь став заповедным местом, коим оно и было в начале времен. Заслуги князя в перекодировке Колыбели московского комьюнити по достоинству оценило его руководство, в результате чего и *приобщило* его светлость *доподлинно*. Но все в жизни этого непростого места повторяется циклично. Новая смертная власть оказалась святее Папы Римского и, перекрестившись на сорок сороков церквей, а также (чем черт не шутит?) трижды сплюнув через левое плечо, вновь объявила Чертолье пречистым. Осветила его одним только своим постановлением за порядковым номером и подписью.

И все-таки виделась Дмитрию Ивановичу в суждениях князя некая злонамеренная гипербола: и Москвич не так прост, хоть и затуркан, и Случайный человек не такой уж провидец, чтобы самую суть с налету разглядеть. Напротив, полагал Дмитрий Иванович, Случайный человек ЭТОГО никогда не заметит, а станет таращиться на Царь-пушку да на Царь-колокол, ну еще, пожалуй, по ма-

газинам бегать. Да так растеряется, что ничего и не купит путного. И, отбросив философические экзерсисы князя, великий химик вновь обратился к приятностям. Ах, как же это хорошо, подумал он, увидев заглянувшего в курилку молодого человека, что любознательное юношество еще заходит в эти стены, пропитанные наукой и культурой! Юные и горячие студиозусы несут сюда свою плоть и кровь, не забывая и продолжая питать своих великих учителей... Он смахнул украдкой светлую слезу и вытер о дурно сидевший пиджак руку. С руками сего господина постоянно что-то происходило. Однажды, читая лекцию, он несколько раз отмахнулся от назойливой сентябрьской мухи, летавшей над кафедрой, и неожиданно поймал ее. Не прерывая лекции, а только изумившись лицом, Дмитрий Иванович сунул руку с мухой в карман сюртука и некоторое время решал, как ему выйти из неловкого положения. Аудитория, затаив дыхание, следила за рукою лектора, топорщившей карман. Выпускать муху было глупо и пораженчески, а держать в руке тоже глупо, да плюс к тому — щекотно. И когда господин лектор, совладав с собой, размазал муху пальцами по ладони, произведя при этом волнообразные движения поверхности кармана, заметные со стороны аудитории, впечатлительная барышня из первого ряда, зажавши рот ладонью, выскочила вон из аудитории.

А с князем у них и при жизни-то взаимопонимания не было. Слишком разное содержание химик и анархист вкладывали в понятие «реакция». Но мысль о том, что прошлое питается настоящим, без сомнения, заслуживала внимания.

1

Людам свойственно ошибаться. Как единолично, так и всем скопом. Людам свойственно стремление докапываться до скрытого и при этом не замечать очевидного. Возможно, вся эта история так и не стала бы достоянием общественности или приобрела бы со временем совсем другой окрас, если бы не пряткий корреспондент газеты «Московские слухи» Петр Передельский. Но таково назначение этой профессии: найти потаенное и обрушить его на головы ничего не подозревающих граждан.

Никакого продуманного плана у корреспондента сроду не водилось, и действовал он сумбурно и бессистемно, полагаясь лишь на подсказки окружающей среды. И, следует признать, среда не скупилась, преподнося ему немало сюрпризов. Взять хотя бы вчерашнее посещение Ленинки: заглянув в курилку в поисках знакомых, Передельский был поражен сходством стоявшего там мужика с Менделеевым. Словно с портрета сошел в школьном кабинете химии, подумал Передельский, не затрудняясь во вне рабочее время сочинением свежих, нештампованных сравнений. И поскольку этот случай был не единственным — Передельскому и раньше доводилось в разных московских учреждениях встречать людей, похожих на известные исторические персонажи, — он наметил себе обязательно развить эту тему в какое-нибудь мистическое эссе.

Страх и смерть во все времена считались самым ходовым товаром на информационном рынке. На этой ниве и

решил прославиться столичный журналист. И теперь профессиональные амбиции волокли его за шкуру на поиски мрачного эксклюзива в древние подмосковные каменоломни. В одной из них он, не без оснований, рассчитывал отыскать уникальный артефакт — тайный архив Вукола Ундольского, библиографа и библиофила, служившего в XIX веке в архиве Министерства юстиции и библиотекарем в Обществе истории и древностей российских. Упоминание об этом артефакте и схему с указанием места его схрона Передельский случайно обнаружил в бумагах князя Оболенского — близкого друга Вукола.

Не стоит думать, что Передельский был человеком не робкого десятка. Он конечно же боялся. Боялся безбашенного датого молодняка вечернего Подмосковья, боялся, что в каменоломнях он может встретиться если не с привидениями, то с бомжами и не успеть, так обидно не успеть увидеть свое имя в золотой десятке столичных профи. Сколько раз ему приходилось уносить ноги и спасать дорогую казенную технику! Но на сей раз корреспондент, помимо редакционной аппаратуры, был вооружен кайлом. Кайло придавало ему уверенности. Он отхлебывал из термоса обжигающий грог, изготовленный собственноручно, и чувствовал себя Индианой Джонсом в поисках Святого Грааля.

На берегу реки Рожайки, вода которой из-за ледяных ключей холодна в любое время года, в окрестностях деревни Редькино еще со времен Екатерины существовали три каменоломни. У Передельского имелась копия весьма подробной схемы, начертанной рукою Вукола. Правда, с тех пор местность могла претерпеть значительные изменения как в растительности, так и в строениях, но Петя верил в свою звезду и вдохновенно рысил по местам, известным своей «магической силой», в ожидании сенсационных находок и разоблачений. Первым объектом его расследований несколько лет назад намечалась Болотная

площадь, где во времена Иоанна Грозного публично казнили колдуна по имени Элизий Бомелий. Приличные люди совершенно справедливо считали колдуна негодяем, чем, очевидно, и полюбился он царю-душегубу, снискав доступ к монаршему трону. Стоустая молва носила, что именно он склонил мрачного мизантропа — Иоанна Грозного к опричнине. Попав в окружение царя, Бомелий вошел во вкус придворной жизни: плел замысловатые интриги, оговаривал и отравлял бояр и участвовал в казнях, пока сам не попался на переписке с врагами. Вскоре Передельскому стало понятно, что эту грядку уже окучили до него. Но он не привык пасовать перед трудностями и вознамерился было заняться Царицыном, которому приписывали темное прошлое и подозрительное настоящее. До правления императрицы Екатерины это место именовалось Черной Грязью, и было заселено мигрантами из Румынии, или, как тогда ее называли, Валахии. Если верить легенде, попавшейся недавно Передельскому на глаза, то двухсотлетнее запустение Царицына было связано именно с происками одного валашского колдуна. Дело в том, что первоначально Екатерина поручила обустроить парк архитектору Василию Баженову. Однако когда в будущем парке появились первые постройки, императрица повелела зодчему уничтожить свое творение. От обиды Баженов якобы обратился к валаху, на которого ему люди указали, и тот взялся сотворить в Царицыне «место пусто». Как известно, Большой дворец, выстроенный спустя некоторое время конкурентом Баженова, Матвеем Казаковым, постигла печальная участь: он сгинул в весьма подозрительном пожаре. В народе мгновенно пронесся слух, что проклятие валаха сработало. С тех пор, до самого строительства нового комплекса, место это считалось нечистым. Народишку там пропало немерено. И если бы не внезапное возрождение Царицына в виде попсового

туристического объекта, Передельский обязательно замутил бы на эту тему что-нибудь драматическое.

Но с заброшенной каменоломней все должно было сложиться как надо. Со вчерашнего дня, с того момента, как пронырливому спецкору удалось сфотографировать в Ленинке схему Вукола Ундольского и наложить ее потом на фотографию местности со спутника, услужливо выданную ГУГЛом, сомнений у него не осталось. И теперь все внутри у него клокотало от нетерпения. Нужная точка была помечена на карте, а на месте требовалось отмотать тысячу локтей веревки от входа и найти в недрах древней каменоломни тайную метку в виде звезды. Но бывают находки, чреватые разрушением привычного мира.

После вонючей электрички, набитой хмурыми подмосковными обывателями, Передельский шел, утопая по колено в снегу, и глубоко дышал полной грудью, сличая местность с изученными накануне материалами. В далеком прошлом здесь находилось село Колычево, получившее в конце XVIII века ненадолго статус города и название Никитск. Административная фортуна этих мест менялась: статус то жаловали, то отбирали вновь, но назначение по-прежнему отображалось в символах: на гербе Никитска изображены были в желтом поле три белых камня. Никитские пещеры до конца не были исследованы спелеологами, но не по причине их непроходимости, а вследствие отсутствия средств и интереса.

Передельский по жизни страдал деревнефобией. С тех самых пор, как, испив мятного квасу в Тамбовской губернии, услышал от гостеприимных хозяев:

— Квас хороший, с гнидами!

Это потом уже ему объяснили, что «гниды» — это ржаная мука в квасе. Чем руководствовались селяне при поименовании продукта, осталось для Передельского загадкой.

А взять, к примеру, то же Колычево. На кол, что ли,

сажали? Какую жуть, какое ругательство ни набери в по-исковике, обязательно окажется названием русской деревни. Было дело — натерпелся страху в командировке на Вятщине: Корюгино, Злобинцы, Тупицыны, Конец, Бессолки, Кобели, Дряхловщина, Ключкино, Мочалище, Холуй, Бутырки, Дыряне, Воронье, Косые, Блохи, Рубцы — вот такая история с географией. Это ж сколько сказок сами собой складываются сразу в голове! И все — страшные.

После той командировки, покупая на Даниловском рынке соленые грузди и рыжики, собранные в дремучих Кировских лесах, Передельский, обливаясь слезами, закусывал ими рюмку водки, опрокинутую под раздумья о тяжелой и безрадостной доле селян, из поколения в поколение живущих в таких местах, которые и на конверте-то писать неловко. И, разомлев от водки, жалел русского селянина, который отчего-то пьет, как не в себя, и скоро совсем сойдет на нет. Придут в деревни крепкие фермеры, наймут упругих китайцев.

Доковыляв в кромешной тьме по сугробам до обозначенного на схеме места, Передельский воткнул у входа в каменоломню прихваченный из дома колышек от старой палатки, привязал к нему конец отмеренной загодя веревки и, кинув клубок за пазуху, шагнул в темный каменный зев. Припасенный фонарик, висевший на груди, освещал летучих мышей, битое стекло, пластиковые бутылки, мусор и испражнения. Журналист крепко сжимал в руках кайло, перехваченное в положение «товсь!». Чем глубже он продвигался, тем громче и беспокойней верещали и хлопали крыльями летучие мыши. Но чуйка подсказывала Передельскому, что главный враг в таких местах — человек. Когда веревка размоталась полностью, корреспондент «Московских слухов» стал сантиметр за сантиметром изучать стену подземелья по левую руку, как было указано в схеме. На глаза попадались только матерные слова и вполне современные граффити, из чего

следовало, что каменный заповедник временами обитаем. Наконец он смог различить глубоко высеченную звезду на поверхности одной из плит этого загаженного лапидария. Звезда приходилась аккурат на левую глазницу черепа, вписанного креативным граффитчиком в поясной девичий портрет. Передельскому стало до дрожи в коленях неприятно, что сексапильные девичьи стати венчал омерзительный и неуместный череп. И вообще вся эта композиция с древней звездой в современной черной глазнице вызвала в нем горячее желание покончить с ней разом. Плиту, согласно инструкции, следовало разбить, и Передельский, сфотографировав прежде в нескольких ракурсах объект целиком и звезду в режиме макросъемки, ринулся лупить кайлом что было сил. С третьего удара каменная плита с мерзким граффити разлетелась в мелкие брызги, как будто кайло попало в точку напряжения, и явила нишу, в которой журналист увидел глиняную емкость с залитой сургучом крышкой. Под сводами каменоломни пронесся чей-то горестный вздох, в темные недра метнулась неясная тень и растворилась во мраке. В тот же миг журналист чуть не оглох от высокочастотного мышинного писка. Передельский не верил своим глазам. Но, как говаривал его прадед, красный командир, вспоминая порубленных шашкой врагов, глаза боятся, а руки делают. Руки корреспондента лихорадочно делали снимок за снимком, затем схватили кувшин и запихнули его за пазуху.

Нахлобучив капюшон и прижимая к животу найденный артефакт, Передельский бросился к выходу сквозь ультразвуковое плотное мышинное месиво.

Дома Передельский погрузился в изучение архива. С трудом продирался он сквозь «яти» и архаичный канцелярский слог ветхих рукописных страниц, и каждая строка повергала его в шок, объясняя ему то, что давно казалось нелогичным и нескладным. А теперь вдруг обрело смысл, мотив, повод, причину и скрытую пружину се-

годняшнего развития событий и положения дел. И такая вдруг ясность снизошла на Передельского, и такой ужас обуял его от этой леденящей ясности, что стало понятно: он попал. И как бы ни закончилась история с архивом, ему лично — молодому и почти красивому, хорошему человеку и блистательному, но нецененному профессионалу, живым из этой истории не выбраться. Единственное, что могло его спасти, — это как можно более скорый эфир на рейтинговом канале и деньги, чтобы после эфира унести ноги быстро-быстро и далеко-далеко.

Несмотря на поздний час, Передельский решил сделать пару судьбоносных звонков, а потом поужинать и лечь наконец спать, чтобы этот странный день поскорее закончился.

Ровно в полночь с субботы на воскресенье на прикроватной тумбочке председателя правления Фонда «За выживание и развитие человечества» вздрогнул и пополз увесистый, как булыжник, Vertu Pure Silver Constellation, колотя по ее матовой поверхности гладким брюхом. Святослав Рувимович неловко нашарил литое вибрирующее тельце и ткнул пальцем в клавишу. В трубке затрепыхался взвинченный голос:

— Господин Фодудьин, это Передельский, только не отключайтесь, вы себе этого никогда не простите, я отвечаю! Скажите, я когда-нибудь беспокоил вас по пустякам?

— Передельский, ты sdурел? — возмущенно прошипел Святослав Рувимович, чувствуя, что супруга проснулась, а значит, придется пойти на кухню и прикурить сигарету. — Ты на часы смотрел?

— Да какие часы, Святослав Рувимыч! Не тот случай, уж вы мне поверьте! Это НЕЧТО! Вы поняли?! Меня реально грохнут, если вдруг...

— Про «денег» — даже не начинай, — тут же отрезал

многоопытный Фофудьин, нашаривая тапочки и прикрывая трубку рукой. — Извини, дорогая, эти идиоты, ты не представляешь...

— Это вы не представляете! — без тени смущения заорал в трубку расслышавший ремарку председателя Передельский. — Это новая принцесса Диана! Или убийство Кеннеди, если не хуже! Такое да хоть сам Рейтер оторвет, без малейшей попытки опустить, я отвечаю! Деньги мне нужны на обеспечение сохранности артефакта и личной безопасности!

— Не ори, а? — страдальчески морщась, попросил Святослав Рувимович, включая освещение над барной стойкой. — Какое мне дело до сенсаций? Я же не масс-медиа. А денег в Фонде мало. Я тут думаю даже от клининга в бекофисе отказываться со следующей недели...

— Фофудьин, слушайте сюда: бекофис свой можете клининговать хоть собственноручно. А у меня — реальное расследование, связанное с угрозой выживанию человечества. А Фонд, насколько я понимаю, и существует для финансирования таких проектов! — отчеканил явно пошедший ва-банк собеседник Святослава Рувимовича, державший, очевидно, председателя за наемного менеджера.

Дурачок, подумал Фофудьин. И ведь приставучий какой! Где он только мой телефон раздобыл? Но тут же вспомнил, что телефон Фонда вместе с другими координатами выставлен на всеобщее обозрение на сайте. Надо будет снять переадресацию, решил он.

— Я предлагаю вам бомбу века, отвечаю! Я раскапывал эту бомбу шесть гребаных лет, там чуток, здесь дешечку... А теперь я нашел самый центр, самое яблочко! Вы не хотите спросить меня, о чем я вообще? — гневно вопрошал наглый журналист.

— Ну и о чем ты, Передельский? — Устало стряхнув пепел, Святослав Рувимович отошел к барной стойке за стаканом, чтобы плеснуть туда на полпальца «Чиваса».

— Я нашел неизвестный архив Вукола Ундольского с отпечатком перстня со звездой на титульной странице! Об истинных хозяевах Москвы. А может, и всего мира! — все так же зловеще отчеканил журналинга, и у Святослава Рувимовича, собравшегося было хохотнуть над этими смешными конспирологическими словами, вдруг отчего-то перехватило сердце, занемела рука, и выскользнувший стакан глухо ударился толстым донцем об мягкий кедровый паркет. В голове стал отдаваться пульс, ноги ослабли; а поток слов из трубки, зажатой в холодной мокрой ладони, на мгновение превратился в бессвязное кваканье.

Повисла пауза. Святослав Рувимович с сухим горлом и обильно вспотевшим лбом слушал, как нервно сопит в трубку теплый и живой Передельский. Его внимание почему-то сконцентрировалось на факте, что журналист сейчас именно живой и именно теплый. А еще Святославу Рувимовичу стало как-то очень понятно, не головой, а всей кожей, что вокруг сейчас ночь, и одинокий ветер над пустыми проспектами, и тьма, тьма, тьма кругом, а там, во тьме... Святослав Рувимович попытался отогнать от себя эту полумысль-полуощущение. Он вдруг почувствовал смертельную тоску от наличия на другом конце провода этого чертова идиота Передельского, как-то сумевшего подтащить теплую и надежную кухню Святослава Рувимовича к невидимому краю, за которым четко ощущалась пристально вглядывающаяся в каждое движение Тьма.

— Заткнись... — просипел он в трубку, — заткнись и никуда с этим не суйся!

И Фофудьин отключил телефон.

Но журналиста распирало. Архив жег руки. Держать язык за зубами было выше его сил. Да и деньги требовалось срочно выдушить из кого-нибудь, ну просто кровь из носу.

Чертыхнувшись, Передельский набрал заветный номер начальника отдела расследований медиа-холдинга

«Финансы Больших Кучек». «Большими Кучками» Москва оборачивалась к тем, кто придерживался традиционной, ортодоксальной теории ее возникновения на земле боярина Кучки и знать не знал ни о каком Мосохе. Передельский все же решил не светить пока находку, на которую так странно отреагировал первый собеседник, а завлечь редактора актуальной и перспективной, как ему казалось, темой.

— Кто? — грозно спросил редактор.

— Свои, Фрол Семеныч, свои! Это я, Петя Передельский, корреспондент «Московских слухов».

— Чтоб ты скис, Петя Передельский! Тебе что, рабочего дня мало? — разозлился редактор.

— Так не бывает же вас днем... эта... на рабочем месте... — попытался оправдаться Петя, стоя в трусах на своей кухне и наблюдая за секундной стрелкой часов. На плите варилось в кофейной джезве яйцо.

Простое и привычное занятие постепенно примиряло журналиста с новой действительностью, так потрясшей его накануне. К нему понемногу возвращалась обычная здоровая наглость.

— Конечно, где тебе знать мое рабочее место? — гневался редактор, почесывая шерстистую грудь.

— Не скажите, Фрол Семеныч, в «Трех пескарях» я тоже вас искал, — выказывая осведомленность, вдохновенно врал настырный Передельский.

— Короче! — потребовал окончательно проснувшийся редактор.

— Э... так это, денег мне надо. Грант на журналистское расследование. Срочно!

— Много? — Было слышно, как редактор зевнул.

— Много, Фрол Семеныч. Расследование связано с риском для жизни. Вы даже представить себе не можете фигурантов расследования... — Передельский подхватил с плиты бурлящую джезву и сунул ее под струю холод-

ной воды. Теперь можно было сосредоточиться на разговоре целиком и полностью.

— Так риск — для жизни фигурантов? — сострил редактор.

— Для моей, Фрол Семеныч, для моей жизни! — пафосно заверил Передельский. — Велите выдать завтра первый транш. Заявление с обоснованием я в вашей бухгалтерии оставлю.

— И во сколько ж ты оценил свою жизнь, Петя? И что расследовать собираешься?

— Мировую финансовую систему, Фрол Семеныч. — Передельский ловко увернулся от озвучивания суммы. На слух она выглядела совсем неприлично. И даже скандально.

— Всю? — тоненько залился смехом редактор.

— Всю! — выдохнул корреспондент. — Я ее, заразу, уже шесть лет наблюдаю и анализирую. Пришло время предъявить общественности злоупотребления.

— Боюсь, такое расследование мне не по карману. Ты уж прости, Петя Переделкин... или как там тебя?.. — давился смехом редактор. — А смету расходов ты составил?

— Конечно!

— Интересно... интересно будет взглянуть... — Редактор утер набежавшую слезу. — Ну, все, я уже сплю, Переделкин. Пока, пока...

— Я архив Ундольского нарыл! — не выдержал и крикнул вдогонку Передельский, но Фрол Семеныч его уже не слышал.

Со словами: «Где они таких придурков берут?» — начальник отдела расследований медиа-холдинга «Финансы Больших Кучек» подмял поудобней подушку, улыбнулся незримому Пете и подумал о том, что завтра ему будет чем партнеров по покеру развлечь.

А корреспондент, дунув предварительно в рюмку, на тот случай, если она запыхалась, плеснул туда водки, на-

резал тонкой стружкой извлеченное из морозилки сало, помыл от плесени и нарубил кружочками последний соленый огурчик, красную луковку — кольцами, разложил нарезанное мозаикой по лаптю бородинского и под все это дело стал есть ложечкой яйцо, виртуозно сваренное всмятку. С тех пор как он вылетел из родительского гнезда, мама всегда умоляла его хоть раз в день есть горячее.

2

Сладкая мечта о «Москве для москвичей» родилась еще в библейской голове основателя Москвы — Мосоха, именуемого в комьюнити по-домашнему Дедом. Но то ли патриарх так и не смог придумать способ ее реализации, то ли ему не хватило политической воли, то ли вмешались чьи-то злые козни — в общем, затея с треском провалилась. Возможно, именно это обстоятельство — крах идеи — и послужило истинной причиной его добровольного ухода. Не каждый в столь почтенном возрасте сможет достойно пережить подобный конфуз — немочь, препятствующую свершениям. А без свершений и идеалов что за жизнь?

Морозным воскресным утром у заброшенного КПП недостроенного корпуса лосиноостровской Кремлевки был приبلудившийся волк. Эхо разносило вой по старому подземелью и гулко отзывалось в бункере неясного назначения, частично заполненного грунтовыми водами. Висевшие на ржавых балках летучие мыши тревожно всхлипывали кожаными крыльцами. Когда-то на месте кремлевской больницы простиралась Ельницкая пустошь и хлюпало болото. Помимо хлябей, здесь зарастало быльем старое стрельбище, земляные валы которого по сию пору высились недалеко от больничного недостроя и наводили заплутавших граждан на мысль о некоем загадочном непреодолимом рубеже. До недавнего времени боль-

ница числилась засекреченным объектом и отсутствовала на картах Москвы.

Ближе к полудню люди в черных костюмах от Kiton предъявили больничным охранникам из «Легиона» бумагу с перламутровой голограммой, побудив их к штатным действиям: ответственный палец вдавил нужную кнопку, и автоматические ворота, укомплектованные полной гаммой охранных аксессуаров, с respectable урчанием поползли вдоль каменного забора. Кортёж сизых мерседесовских пульманов и гелендвагенов, сопровождавших реанимобиль, бесшумно вытек с территории больницы в образовавшийся проем и, набирая обороты, устремился к древнему сердцу столицы.

Зима восходила к купле, требуя положенных зрелищ и жертвоприношений. Ранний сумрак пожирал окрестности Кремля, стирая привычные контуры знаковых архитектурных форм. Сбавив скорость, кортеж шелестел по Пречистенской набережной. Над храмом Христа Спасителя кружило слетевшееся, казалось, со всей Москвы воронье. Почти человеческие крики птиц перекрывали техногенный шум мегаполиса. Подобно черным звездам зависали они высоко над гламурным новоделом, а потом черным дождем пролились вдруг на его купола, облепили, превратив их в одно мгновение из золотых в черные. Словно погасили.

Прощание добровольно уходящих с Чертольем было для комьюнити такой же традицией, как посещение Воробьевых гор на свадьбах москвичей. Кортёж выписывал затейливые кренделя по старым Арбатским переулкам: миновал Чертольский, отметив на здании Фонда мира приспущенный флаг Москвы с повязанными сверху древка черными траурными лентами с золотыми звездами, по Сивцеву Вражку доехал до сталинской высотки, посигналил длинно, свернул в Денежный переулок присной памяти Государева монетного двора, посигналил еще раз,

коротко, у дома № 9/5, в котором квартировал Фонд «За выживание и развитие человечества», и, ускоряясь, взял курс на запад.

С давних пор о Пречистенке неслась дурная слава, и называли это место в народе Чертольем, пока в середине XIV века не отмолили его монахини Алексеевской женской обители. Но спустя четыреста лет, в 1839 году, император Николай Павлович, проигравший Дядьке это место в карты — московская недвижимость уже тогда входила в сферу Дядькиных интересов, — был вынужден построить на месте Алексеевского женского монастыря храм во имя Христа Спасителя. Это был самый замысловатый Дядькин ход, поскольку он тогда еще не решил, что делать с выигрышем, и оставил это решение на потом. Николай Павлович долго мучился поводом, пока не вспомнил о строительстве храма, замороженном вследствие расхищения средств. Тогда он объявил новый конкурс и указал новое место для возведения объекта, согнав монашек с насиженного и намоленного пристанища. Осерчавшая игуменья, покидая с монашками монастырь, прокляла это место, наказав, что ничего здесь святого никогда больше не будет, а будет опять Чертолье — чертям раздолье. Проклятие не заставило себя долго ждать. Грянула революция, и храм был взорван в 1931 году по приказу Сталина, получившего приличные отступные от Дядьки, который обещал ему «порешать вопросы» с местом в Мавзолее, возведенном накануне. На руинах храма соорудили бассейн «Москва», сразу же вошедший в холдинг ЗАО МОСКВА.

Нынешний же новодел имел к вере весьма отдаленное и даже сомнительное отношение, являясь, по сути, специальным храмом-сейфом, а также — головным офисом холдинга ЗАО МОСКВА: там располагалась его пиар-служба, хотя затевался он членами московского комьюнити исключительно ради парковки на подведомственной территории.

Председатель правления Фонда «За выживание и развитие человечества» любил воскресные домашние обеды в обществе очередной молодой жены, коих он обильно уснащал гламуром в виде украшений из Алмазного фонда, отображал в глянце, а потом использовал по назначению во всех смыслах, кроме пошлой бытовухи. Для бытовухи у председателя имелась обслуга. Обеды, приготовленные поваром, выписанным специально из Прованса по рекомендации старого товарища по бурсе, председатель откусивал с чувством, с толком, с расстановкой. Салат из подмосковного разнотравья бодрил, хорошо сочетался с белым сухим вином из Умбрии и охлажденной отварной осетриной. После буйабеса из морского скорпиона, приправленного шафраном, апельсиновой цедрой и фенхелем, повар Шарль, коего председатель именовал Карлушей, подал мясное горячее. И тут бы сосредоточиться Святославу Рувимовичу на котлетке «Маришаль», но рука отчего-то сама потянулась к пульту телевизора.

Канал, назначенный оппозиционным, потчевал зрителей московскими новостями. Речь шла об очередном пикете, проводимом обществом «Старая Москва»:

— «Сотрудники Москомнаследия отказались пустить пикетчиков на территорию двора комитета, поэтому основная часть акции прошла под аркой дома № 19 по Пятницкой улице, в котором и располагается комитет. Спустя полчаса после начала акции на место пикета прибыли сотрудники милиции и потребовали освободить арку здания Москомнаследия. Все время, пока проходил пикет, на протестующих оказывалось давление со стороны сотрудников комитета, представителей префектуры и сотрудников милиции...» — вещала милая девушка, которой, по разумению Святослава Рувимовича, самое правильное было бы рожать людишек да печь пироги. Пироги пред-

седатель любил безмерно. Особенно с вязигой. Но прочую отечественную кухню отвергал за ее избыточность во всем — боролся с соблазном и собственным весом, который давно перевалил за все мыслимые пределы и стал серьезно осложнять жизнь: появилась одышка, да и просто стало тяжело себя носить.

От грустных размышлений о весе председателя отвлек кадр, от которого он поперхнулся котлеткой: корреспондент вел репортаж с Пречистенской набережной, указывая рукой на храм Христа Спасителя с куполами, облепленными черными птицами. Такого зрелища Москва еще не видела. Ни старая, ни новая.

И в довершение гнусной картинки в студии возник вчерашний ночной собеседник Фодудина — крученный пацан, корреспондент «Московских слухов», прощельга и хвастун, которого Святослав Рувимович ни в грош не ставил и терпеть не мог. Был он, по мнению председателя, хамом и выскочкой, который пытался сделать себе имя на теме борьбы за сохранение архитектурных памятников старой Москвы и грезил пробиться в десятку самых известных журналюг, чтобы получить возможность продавать себя по дорожке. Но, несмотря на все ухищрения, имя его по-прежнему замыкало тыщатривосемнадцатку московского пула. От выступления Передельского Фодудин окончательно утратил аппетит и даже занемог. Председатель уже и думать забыл о полуночном телефонном разговоре, более похожем на ночной кошмар, от которого существовало только одно надежное средство: хороший завтрак.

Меж тем борзый писака, несмотря на запрет Фодудина, восседал теперь в студии и в ликующем мажоре наставшего наконец своего звездного часа вещал о том, как в результате многолетней кропотливой работы над изучением исторической застройки Москвы он нашел в бумагах Оболенского, который в свое время был в Москве директором главного архива Министерства иностранных

дел, указание на то место, где хранился ранее неизвестный архив Вукола Ундольского — библиофила и собирателя древних рукописей, жившего долгое время в доме князя. И вот не далее как вчера он, Передельский, обнаружил в указанном месте этот артефакт — поразительную рукопись. Даже при первом поверхностном ознакомлении, на основании некоторых графических символов, можно предположить, что речь в рукописи идет о...

Где-то во чреве Святослава Рувимовича сиротски булькнуло и заныло. И в этот момент изображение пропало с плазменного экрана. А через несколько секунд появилось извещение о технических неполадках на канале.

— Идиот! — с чувством выдохнул побледневший председатель и, не отрывая глаз от пустого экрана, словно опасаясь, что гибельная по своим последствиям картинка возникнет вновь, стал шарить рукой по столу в поисках телефона.

— Что творится! Что творится! — восклицал председатель, не попадая по нужным клавишам.

Еще бы — не творилось! Это раньше плоть гнездилась по домам. А теперь она живет не в доме, а в информационном поле. И в поле том не васильки да лютики, не рожь да ковыли, а плевелы избыточных знаний: изнанка политической жизни, катастрофы и катаклизмы, чиновные безобразия, плотские утехы известных персон — все, что раньше почиталось тайным, заполонило теперь это мерзкое поле, возделываемое целой армией ньюсмейкеров и их обслугой — пиарщиками. И больше на этом поле ничего не растет, не колосится. Да и плоть уже как будто питается не хлебом, а информацией, запивая ее остывшим чаем или теплым пивом, не отходя от экрана. Оттого портится. А информационное поле все чаще превращается в поле брани, усыпанное поверженными противниками, кои становятся добычей воронов, навсегда выпадая из рациона членов комьюнити.

Над перекрытым Кутузовским проспектом повисла невероятная для мегаполиса тишина. Жизнь замерла во всех своих проявлениях: ветер не прошумит, птица не вспорхнет. Но пять минут щемящего безмолвия взорвались вдруг нарастающим рокочущим прибоем: по проспекту, во всю его ширь, неслась сизая кавалькада с гелендвагенами по краям, пульманом и реанимобилем внутри. Водитель реанимобиля, вцепившись в руль, оторопело смотрел на приборы и на свою ногу, не чувствующую педаль газа. Даже при проектировании в эту машину не закладывалась такая скорость.

В кармане Дядьки, задремавшего было на заднем сиденье пульмана, зазвонил телефон.

— Элизий, дражайший, приветствую! — заблеял из трубки взволнованный голос председателя. — Похоже, у нас проблемы. Вы даже представить себе не можете их масштаб!

— Не истерите, Фофудьин, — отозвался Дядька, шевеля острыми стрелками усов. Безымянный палец его правой руки, державшей телефон, был украшен перстнем-печаткой со звездой. — После того, что умер Мосох, что еще можно назвать проблемой? Приезжайте в Горки, изложите внятно.

— Как... Мосох умер?! Господин Бомелий, что вы такое несете?! — обмер председатель.

— А так! Захотел и умер. Утратил интерес. Решил добровольно уйти.

Если бы председатель имел возможность видеть в этот момент своего собеседника, он был бы крайне удивлен: ничего подобающего случаю лицо Дядьки не выражало — ни скорби, ни огорчения.

— Но как же так? Как такое может быть?

— Как-как... А как такое можно пить? Разве ж это — натурпродукт? Разбодяжили джанк-фудом так, что там

уже не органика, а сплошные присадки. Красители, консерванты, улучшители вкуса... Кто-нибудь взял на себя труд сравнить продукт с эталонным глотком? Полста лет вакансию порциониста-хранителя закрыть не можем!

— Ну, батенька... Мы же как-то приспособляемся. Надо ж понимать — все, что течет, все меняется! — лопотал растерянно председатель.

— Это раньше думали, что все, что мы собой представляем, создано нашими мыслями, а теперь говорят: «Ты есть то, что ты ешь».

— То есть это из-за еды, а не по идеологическим соображениям? — уточнил Святослав Рувимович, словно эта информация могла что-нибудь изменить в сути происходящего.

— Дорогой мой, ну кто ж теперь по идеологическим причинам себя жизни лишает? Теперь по идеологическим соображениям в Лондон сваливают.

— В общем, одно к одному, одно к одному... Ах, как это некстати, как некстати... — бормотал Фодудин, собираясь спешно.

Пролетев беспрепятственно через центр Москвы, сизый конвой двинулся на запад, в направлении Рублевского шоссе, удивляя прижатых к обочинам очевидцев золотыми звездами на черном фоне вместо номеров. Согнав с дороги кортеж вице-премьера, пронеслись под мигалками по снежному крошеву, произведя даже на выдавших виды фэсэшников, дежуривших в «стакане», должное впечатление.

— Видал перцев? А, ты ж молодой еще.

— А что за странные номера? Смотри, как нефтяного вице-премьера подвинули.

— Они и не таких двигают. Министра МВД тоже как-то раз в канаву загнали.

— Гонишь...

— Отвечаю!

— А нашего?

— Хорош болтать. Не все, что видишь, сможешь понять. Привыкай к службе, — строго осадил сослуживца старшой.

Наконец кавалькада достигла Горок и въехала в ворота особняка. Два доктора с помощью давешних гвардейцев в «Китон» выкатили из реанимобиля носилки с Дедом, подключенным к портативному прибору, стоящему в изголовье. К бледному, в старческих пигментных пятнах лбу черными пиявками присосались клеммы. Но вся эта хитроумная конструкция — шедевр инженерно-медицинской мысли — уже ничего не могла изменить в ходе истории.

— Я бы все-таки рекомендовал воспользоваться услугами нашего персонала. Больному требуется круглосуточный уход, — увещевал бритый под ноль доктор старшего сопровождающего, пока гвардейцы торжественно возносили на руках каталку, поднимаясь по мраморным ступеням.

В недрах особняка царил полумрак, процессия остановилась. Тусклый зимний свет проникал в помещение лишь через звездообразное отверстие в потолке. А когда глаза стали различать контуры предметов, доктора увидели прямо под отверстием разверстый гроб, инкрустированный черным турмалином, покоящийся на золотом орудийном лафете в фойе таких размеров, кои трудно было заподозрить, глядя на особняк снаружи. В гробу на лиловом атласе валялся кот, который, увидев каталку с Дедом, тут же освободил место. Но далеко не ушел, а примостился у лафета и затеял вылизываться.

У бритого стало дергаться левое веко, а второй доктор, с седеющей шевелюрой, оглянулся на старшего сопровождения и искательно заглянул ему в глаза.

5

Воскресенье — «беговой» день. Скрижалъ, золотом по мрамору начертанная в сознании Внука. Веха, отделяющая предыдущую череду праздных будней от последующей. В первом часу пополудни он выглянул в окно, ото-

двинув плотную шелковую завесу, поежился и накинул поверх джемпера, из-под которого торчала модная в этом сезоне приталенная рубашка, куртку из меха опоссума, купленную третьего дня в Третьяковском проезде. Уар частенько наведывался туда по давно укоренившейся привычке: еще до революции Дед покупал там у Габю ювелирные изделия для своих любовниц, а сам Внук — швейцарские часы, каждый механизм которых имел номер и пробу, выдаваемую пробирной палатой лучшим из лучших. Один такой экземпляр, с четырьмя полукаратными бриллиантами на корпусе, и сейчас украшал его запястье, вызывая в клубных тусовках острую зависть золотой молодежи столицы. Внук небрежно повязал шею шарфом, изобразив «французский» узел, и спустился в паркинг. Бросив на переднее сиденье своего сизого Bugatti свежий номер журнала «Сноб», выехал на поверхность Пречистенки, поглядывая окрест.

Столько снега намело, что по Москве впору было передвигаться на собаках. Оливковолицые немосковские дворники устроили окладную охоту на зиму. Москва обнесена их яркими жилетами, словно флажками. Шкряб-шкряб — соскребают они зиму с тротуаров. Из грубых нечистых свитеров торчат худые выи. Лица — скорбные. Боярыни закуклились в шубы. У понаехавших девчонок коленки звонко бьются друг об дружку. Колосятся без шапок наэлектризованные морозом волосы беспечных граждан. Колко стынут сопли в носу. Копшатся человечки без всякого смысла, радуются чему-то, не слыша обратного отчета.

Внук вырулил за ворота своего особняка и неожиданно был прижат к бордюру сизым клином Дядькиных гелендвагенов, сопровождавших реанимобиль. Конвой просквозил со свистом по Пречистенке. Внук хотел было выругаться, да вспомнил, что перед бегами нельзя.

Настоящий игрок — это мешок суеверий. Какой но-

гой переступить через порог, какую руку при этом держать в кармане, что напевать, с кем первым поздороваться... В «беговой» день Внук совершал раз и навсегда заведенный ритуал: подъезжал к ипподрому исключительно со стороны Второго Боткинского проезда, мыча для бодрости навязший хит из «Травиаты» — «Застольную», с левой ноги входил в правое крыло здания, украшенное торжественным портиком, напоминающим Бранденбургские ворота, по ампириной лестнице поднимался в зал, где делают ставки, ставил на третью лошадь в списке заявленных на заезд и только после заезда шел к старому знакомому конюху. При всей строгости соблюдения алгоритма, он не выигрывал почти никогда. Просто ритуал возвращал стройность мыслей его сознанию и рациональность поступкам после хаотичных и большей частью бесцельных перемещений в пространстве и во времени, представлявших собой некий замкнутый круг, но никогда не спираль.

В воскресенье в тринадцать часов разыгрывался традиционный ежегодный Приз в честь Дня Конституции России для лошадей четырех лет и старшего возраста рысистых пород. Никакого азарта Внук давно не чувствовал. Откровенно скучая, оглядывал трибуны в поисках знакомых лиц и размышлял над тем, какое отношение лошади имеют к Конституции. Вяло поприветствовал подсевшего к нему старого знакомого — маклера.

— Ну что? — спросил маклер.

— Не прет, — пожаловался Внук.

В первом гите Внуков фаворит выиграл «полголовы» у сильного соперника, а во втором гите оказался лишь четвертым. Найдя такой результат вполне закономерным, Внук отправился к Пантелеичу. Старый конюх, впрочем весьма хорошо выглядящий, давно уже не интересовался фортуной Внука.

— Эх, разве ж это бега?.. — вздыхал Пантелеич. — Вот кабы, как Москва-река встанет, пустить по льду тройки,

как раньше! Между Москворецким и Большим Каменным мостами. Да где там... Помните, как Лаптев явился в лаптях с онучами, на простых дровнях, сбруя из мочала, а самого Караулова обставил? То-то толпа редела...

— Я уж и сам не знаю, зачем хожу. На лошадок поглядеть разве что, — ответил Внук и, попрощавшись с конюхом, пошел к машине, набирая любимый вот уже две недели номер телефона.

— Мышка моя, ты где? А что делаешь? С фрикадельками? И что, ты его будешь сейчас есть? Какая пастораль... Прямо до слез... Я заеду за тобой скоро, не скучай. — Он блаженно улыбнулся, сел в машину и двинулся в сторону Арбата.

Свернув с Нового Арбата на Гоголевский бульвар, Уар доехал до Большого Афанасьевского, припарковался там и пешком отправился в салон-магазин подведомственного комьюнити Московского ювелирного завода. Продавцы при его появлении мгновенно вытянулись в струнку, администратор резво подсуетился с креслом.

— А что у нас нынче из изумрудов поспело? — строго осведомился Внук.

— Вот, извольте взглянуть: изумруд — в шестнадцать карат, вправленный в лилию белого золота, имеет предназначение пирсинга для пупка, — доложил администратор.

Уар поморщился. Он был консервативен во всем, что касалось ювелирных изделий, и предпочитал руководствоваться собственными представлениями о хорошем вкусе и весьма полезным чувством меры.

— Любезный, давайте обойдемся без китчухи и излишеств.

Тотчас же ему вынесли руки Венеры Милосской, уникальные всевозможными ювелирными изделиями. Осмотрев украшения, он остановил свой выбор на перстне с изумрудом огранки «ашер», имеющем форму многоярусного квадрата. «Ашер», по мнению Уара, позволял владельцу

выглядеть элегантно, совмещая старомодный шарм с современными ограночными технологиями для формирования ослепительной бриллианции. К тому же имя Ашера приятно щекотало его нервы Главной Тайной комьюнити.

Продавец, демонстрируя безудержное рвение, нанизал выбранный Внуком перстень на белый нефритовый палец, партию которых комьюнити выменяло на рис у китайского императора в изгнании в годы китайской культурной революции. С тех пор пальцы служили элементом упаковки колец для акционеров холдинга ЗАО МОСКВА. Далее палец был с почестями возложен на подушечку из розовой тафты внутри перламутровой раковины-футляра, закрывающегося на две черные жемчужины, футляр, в свою очередь, помещен в черный замшевый кисетик, обильно забрызганный рубиновой крошкой. Уар бросил попку в карман меховой куртки и протянул для оплаты черную карту с высеченной звездой. Персонал ювелирного салона склонил головы.

6

Его сиятельство граф Растопчин уже давно перестал печалиться от того, что довелось ему когда-то вляпаться в историю Москвы пропитанным дымом пожарами. Размышляя о поджоге, он постепенно пришел к мысли, что делал это исключительно из патриотических соображений. Ну а как же еще? Будучи главнокомандующим Москвы, он истоиво собирал пожертвования на ее оборону, поскольку городская казна была им же самым неосмотрительно расхищена. Выпускал лубочные картинки, призывал обитателей Первопрестолькой лечь костями и не уступать ни пяди... Но поскольку москвичи не послушались, граф, как мог, лично создавал трудности неприятелю. Но неблагодарные потомки не оценили. И это больно ранило.

А между тем иначе и быть не могло. Растопчин слу-

жил растопчой, или, как бы сейчас сказали, истопником, еще у Василия Темного, и, следовательно, на роду ему было написано растапливать да поджигать. То есть был он пироманом по призванию и по профессии. Так сказать, и по любви, и по работе. Но московское комьюнити, вовремя разглядев враждебного поджигателя, *приобщило* стервеца *доподлинно*, и теперь он поджигал Москву исключительно для пользы дела. Неоднократно Дядьке и Параклисиарху приходилось отбивать и отмазывать московского растопника у разъяренных огнеборцев, которые ставили даже капканы на него у дома в Пожарском переулке, как на дикого зверя.

Получив в холдинге ЗАО МОСКВА пост Главного Риелтора Москвы, Растопчин проникся новой миссией. Он стал Мастером Расчистки. Стратегическая задача риелторов, как ее понимал сиятельный, состояла в замене непотребной комьюнити нечистой плоти на чистую, в увеличении ее удельного веса, а также в уплотнении стратегического ресурса органики на один квадратный метр жилой и нежилой площади Первопрестольной. И московское строительство полезло вверх, под самые небеса. Граф рулил инвестиционными проектами и риелторскими конторами. Удалял непотребную плоть из центра Москвы, из старых особняков, расчищал и воздвигал. Каждый московский проект непременно и в первую очередь поступал к нему на визирование.

Нежилой фонд был изобретением Главного Риелтора Москвы — Растопчина. Граф оказался большим мастером сепарировать недвижимость по характеру потребления. Он прекрасно понимал, что если отдавать недвижимость под многомиллионные очереди нечистой публики, потребляющей колбасу, то никакая ПРА в итоге не светит. Деньги на ветер. Как из живого он делал неживое, так с легкостью из жилого — нежилое. Впрочем, горит жилое и нежилое одинаково ярко и зрелищно.